

«План Ирана заключается в том, чтобы изменить расклад сил в Западной Азии и восстановить свой статус великой державы» — Интервью с Аластером Круком (Часть II)

По словам бывшего сотрудника МИ-6, с 1970-х годов США используют своих суннитских арабских союзников в регионе, пытаясь ослабить Иран.

Марко Фернандес

сбт 04 апр 2026

Во второй части своего эксклюзивного интервью изданию **Brasil de Fato** Крук — бывший агент МИ-6 и бывший советник Европейского союза по вопросам Западной Азии, а также основатель и директор базирующегося в Бейруте *Conflicts*

Forum — размышляет о возможных глубоких изменениях в геополитике региона. По его мнению, роль Соединенных Штатов как гаранта безопасности своих арабских союзников и контролера потоков торговли энергоресурсами из стран Персидского залива оказалась несостоятельной, поскольку, с одной стороны, «нет возврата к ним [американским военным базам] [...], я полагаю, что они были полностью уничтожены», а, с другой стороны, «если вы хотите экспортировать нефтепродукты, алюминий или что-либо еще, вам придется делать это на условиях соглашения с Ираном». Обеспечив контроль над Ормузским проливом и предложив, чтобы за энергоресурсы, экспортируемые через него, расплачивались в китайских юанях, Иран просто подрывает основы долларовой гегемонии и финансовизации экономики: «Это конец нефтедоллара», — резюмирует Крук.

Эта новая региональная конфигурация может даже оказать благотворное влияние на БРИКС в среднесрочной и долгосрочной перспективе, несмотря на очевидные противоречия, которые выявила война. По мнению бывшего британского дипломата, это «именно тот первоначальный импульс, который, как я всегда считал, нужен БРИКС, чтобы начать действовать. Ему нужна стратегия безопасности».

В условиях возможных решающих сдвигов в политическом и экономическом балансе сил в регионе на горизонте вырисовывается не что иное, как возвращение Ирана к статусу мировой державы — роли, которую он занимал на протяжении веков. Утрата им этой власти в последние десятилетия была во многом обусловлена альянсом между США и их союзниками в регионе — преимущественно суннитскими — которые стремились «ослабить Иран и превратить его в вассальное государство». Хотя Иран и не стал вассалом, страна перестала быть «крупной мировой державой», которой она была на протяжении веков. Однако война, развязанная империалистическо-сионистской осью, позволила бы Ирану «изменить всю парадигму в Западной Азии и восстановить персидскую мощь».

Читайте вторую часть интервью с Аластером Круком ([нажмите здесь, чтобы прочитать первую часть](#)):

Существует много спекуляций, поскольку мы не знаем, что принесет будущее, но исходя из того, что мы наблюдаем сейчас, какими могут быть возможные тенденции в ближайшем будущем? Считаете ли Вы, что эта война может изменить отношения между США и другими странами региона? Пытается ли Иран вытеснить США из Западной Азии? Будут ли восстановлены военные базы США, которые обходятся очень дорого? Видите ли Вы какую-либо вероятность смены режима в монархиях региона, учитывая экономическую и политическую напряженность в некоторых из этих стран, например, в Бахрейне?

Новый Верховный лидер Моджаба Хаменеи несколько дней назад выступил с заявлением — довольно кратким, продолжительностью 12 минут. И в ответ на пятипунктный ультиматум американцев Иран выдвинул свой собственный ультиматум, который заключался в прекращении присутствия [США] в регионе, прекращении военного присутствия, снятии всех санкций, возвращении замороженных иранских активов и выплате компенсации за нанесенный ущерб. У меня нет доказательств, но я предполагаю, что это на самом деле своего рода наследие его отца, начиная с 12-дневной войны и заканчивая периодом, когда он погиб. Я думаю, что цель ясна, и это объясняет, почему не будет никакого компромисса с американцами и почему нет переговоров. Переговоров не будет. Зачем они нужны? Они контролируют Ормузский пролив. США не собираются вытеснять их из-под контроля над Ормузом. Введут ли они войска или нет, или продолжают оказывать давление на Иран другими способами, этого не произойдет. Система — военный контроль, как я бы сказал — работает автоматически и действует в соответствии с хорошо подготовленным, глубоко укоренившимся и тщательно продуманным планом. Так что нет, возвращения к этим [американским военным] базам не будет. Люди спорят о том, сколько там баз, но я считаю, что они были полностью уничтожены. Некоторая техника, например, радары, стоит миллиард долларов. Но дело не в этом. На ее замену уйдет от пяти до восьми лет. Нельзя просто зайти в магазин, заказать ее и получить в течение года. Так не будет, даже если ее построили Lockheed Martin или кто-то еще.

Если бы производителем был Китай, они, возможно, смогли бы это сделать за год или два, но дело обстоит иначе. [смеется]

Это было бы гораздо быстрее, это точно. Сейчас на это уходит много времени, потому что у США осталось очень мало поставщиков. В любом случае, у них нет для этого средств. Важно понимать, что речь идет о второстепенных требованиях. Я перечислил те, которые были очень четко сформулированы Верховным лидером. Но дополнительные требования тоже были очень четкими: Ормузский пролив будет закрыт, но открыт для транзита дружественных стран при уплате сбора и при гарантии, что груз оплачен в юанях, в китайской валюте. Суда смогут проходить через море только по этому узкому каналу между островами Ларак и Кешм. Там есть небольшой канал. Таким образом, вы проходите мимо Кешма, проходите досмотр КСИР, и только после этого вам разрешают продолжить путь — не через главный канал. И это станет источником дохода. Я видел, как Рубио говорил: «Это незаконно, мы не можем этого допустить». Ну, а что, по их мнению, происходит в Суэце? Я имею в виду, вы проходите через Суэцкий канал и, конечно же, платите

египтянам сбор за проход. То же самое в Панаме. Так что это просто США поднимают шум. Иранцы будут это делать. И что они также говорят и подчеркивают, так это то, что страны Персидского залива, если они хотят экспортировать свои нефтепродукты или другие товары — алюминий, удобрения, что бы то ни было — должны делать это по соглашению с Ираном, и только Иран способен обеспечить им безопасность этой торговли. В данный момент в арабских странах, в странах Персидского залива, царит огромное возмущение: они заявляют, что это возмутительно, что они никогда этого не примут и что присоединятся к войне против Ирана. ОАЭ заявляют, что готовы присоединиться к войне против Ирана, потому что пролив должен оставаться открытым. Но поскольку они не смогут вытеснить Иран из Ормуза, да и Америка тоже не сможет этого сделать, то со временем они, безусловно, начнут понимать, что если они хотят продолжать существовать как экономическая единица, им придется сотрудничать с Ираном. Теперь важный момент здесь — и я не могу предоставить вам полную информацию, потому что я не экономист — заключается в том, что некоторые другие товары, проходящие через Ормуз, имеют решающее значение: например, гелий необходим для производства микросхем; серная кислота важна для цепочек поставок; удобрения имеют решающее значение. Таким образом, все это означает, что если Ормузский пролив останется закрытым в течение трех недель, последствия для западных экономик будут огромными — это будет не просто небольшое колебание на рынках долговых обязательств. Последствия будут гораздо серьезнее, потому что мы начнем наблюдать нормирование бензина, сократятся поставки газа, а СПГ необходим для некоторых процессов производства микросхем, как и сам гелий.

**Около одной трети мирового производства гелия
проходит через Ормузский пролив, и Тайвань уже
ведёт отсчёт дней до начала дефицита производства**

Они говорят, что у них есть примерно 12 дней, после чего начнётся дефицит. Верно. То есть Ирану не нужно выдерживать годами, чтобы навязать свою новую схему.

Но суть здесь гораздо шире — это уже геополитика. Речь идёт о настойчивом требовании проводить расчёты за нефть в юанях — а это означает конец петродоллара. Это конец долларовой гегемонии, потому что нефть исторически связана с Ближним Востоком: контроль над узкими стратегическими проливами, контроль над энергией и её ценообразование в долларах — всё это было основой американской финансовой гегемонии. И не менее важно, что это также служило основой финансовизации экономики — благодаря доминированию в энергетике и гегемонии доллара.

Гегемония доллара фактически породила искусственный спрос на доллары, курс доллара вырос, что привело к опустошению производственной базы, поскольку в результате Америка утратила конкурентоспособность в обрабатывающей промышленности, и вся система движется в сторону финансовизации мира. Таким образом, несмотря на то, что Америка в целом самодостаточна в плане энергетики, она структурно ориентирована на иной, непроизводственный образ жизни. Им нужно изменить ситуацию таким образом, чтобы положить конец бинарной экономике, которую Запад создал для себя, при которой есть верхушка элиты, миллиардеры, которые получают все больше и больше денег, не прилагая к этому никаких усилий. А затем есть тонущие 90%, а уж точно 80% населения, которые не могут позволить себе жилье, которые не могут позволить себе медицинское обслуживание, ничего из этого. Но все больше и больше, из-за того, как Америка и Запад думали об искусственном интеллекте, последствия этого экономического кризиса, который, очевидно, приведет к тому, что инвестиционные планы в дата-центры, ИИ и прочее не будут реализованы. Последствия этого — это будет огромная, печальная резня рабочих мест среднего класса в Америке и Европе. Я говорю «к сожалению», потому что у меня двое детей, которые скоро закончат школу. И я говорю им: «Я очень надеюсь, что у вас получится, но будет тяжело, вам нужно подумать о том, что вы можете предложить, потому что найти работу после университета будет нелегко». А в Европе удар будет самым сильным. Так что все это учитывается в расчетах.

Но ответ США заключался в том, что либо начинается торговая война с введением пошлин, либо начинается перекрытие каналов поставок энергоресурсов в Китай. Именно в этом и заключалась суть ситуации с Венесуэлой: остановить и затруднить поставки энергоресурсов в Китай, чтобы вынудить его сократить объемы производства? А в отношении России — ограничить её способность экспортировать энергоресурсы. Я говорю о том, что они делают это с помощью блокад, контроля над этими морскими путями и контроля над узкими местами, морскими узкими местами. И, конечно же, ключевыми узкими местами являются Ормузский пролив, Баб-эль-Мандебский пролив и Малаккский пролив. И именно поэтому присутствие Ирана в Ормузском и Баб-эль-Мандебском проливах представляет такую экзистенциальную угрозу для Соединенных Штатов.

Иранцы это прекрасно понимают и разбираются в экономике. Конечно, они будут пропускать суда через Ормузский пролив, но при этом будут контролировать объёмы. А значит, тот, кто контролирует объёмы, контролирует и цену. Таким образом, Америка потеряет контроль над ценами на энергоносители. Внутри страны ресурсы у неё есть, но дело в том, что нефть — взаимозаменяемый товар. Невозможно долго удерживать одну цену в одном месте и другую — в другом, потому что потоки будут перераспределяться, и цены в итоге выравниваются.

Следовательно, теряется контроль над ценообразованием, а значит — и над поставками энергии. И именно это долгое время было основой всей конструкции, направленной на сдерживание и ослабление БРИКС.

Как эта война повлияет на БРИКС? Запад уже находился в состоянии конфликта с одним членом БРИКС — Россией — и теперь воюет с другим членом, Ираном, который защищается, нанося удары по объектам США в Объединённых Арабских Эмиратах — также члене БРИКС. В то же время, как вы уже сказали, Китай и Россия оказывают Ирану важную поддержку. Это довольно сложная ситуация, не так ли?

Я выступал с докладом в Санкт-Петербурге, и он был посвящён БРИКС. Я постоянно подчёркивал: на данный момент БРИКС — это не более чем форум. Люди пишут статьи, обсуждают, проводят конференции и тому подобное, но не переводят это в практическую плоскость. И я понимаю почему: есть такие государства, как Индия, которая старается удерживать одну ногу в одном лагере, а другую — в другом, и не хочет ни к чему окончательно привязываться. В определённой степени это относится и к Бразилии. Есть и Эмираты... хотя, возможно, Эмираты в будущем вообще не будут участвовать в БРИКС — кто знает? Но именно такой толчок, как мне всегда казалось, и нужен БРИКС, чтобы начать действовать. Необходима хотя бы общая стратегия безопасности. Не отдельная российская, отдельно китайская, а какие-то более широкие принципы: где проходит граница между сферой влияния НАТО и азиатской сферой влияния? Где эти рубежи? Также нужно думать о том, как справляться с санкциями. Возможно, странам БРИКС стоит иметь собственные санкционные механизмы или самим вводить санкции. В любом случае, это вопросы, которые пока остаются в подвешенном состоянии.

И я знаю, что Китай мог бы внедрить новую финансовую торговую систему по всей Азии буквально мгновенно. Если взять, например, WeChat, через который уже можно совершать платежи и делать практически всё, у него есть 1,4 миллиарда пользователей в Китае. Так что масштабировать его ещё на несколько сотен миллионов — не проблема. Это можно было бы запустить хоть завтра, если бы китайское руководство так решило. Но я не уверен, что они это сделают, потому что действуют очень осторожно, понимая так называемую «ловушку Фукидида».

Я был в Китае в конце года и разговаривал там с одним бизнесменом, у которого много патентов. И он сказал: «Запад выбрал военное применение искусственного интеллекта», что требует огромных дата-центров и подобных ресурсов. Он добавил: «Мы сделали всё совершенно иначе. Мы используем “разбавленный” ИИ в каждом производственном процессе — не полноценный ИИ, а скорее продвинуто

роботизацию и автоматизацию». И он привёл пример: «Если взять один из моих заводов, где в начале года работало около 2000 человек, то сегодня там осталось 200. И при этом мы остаёмся крайне конкурентоспособными». Он также сказал, что в производстве — а у него много фабрик — «у нас наблюдается дефляция цен примерно на 2%». Я посмотрел на него и сказал: «Боже мой, у вас дефляция цен, а у нас на Западе — инфляция, причём ускоряющаяся». Это означает, что мы не можем с ними конкурировать. Именно в таких условиях и начинает срабатывать «ловушка Фукидида».

Но этим придётся управлять очень осторожно, иначе всё может выйти из-под контроля. И это ещё больше усугубляется тем, что, как я узнал тогда же, стоимость одного гигаватта энергии в Китае сейчас составляет примерно одну шестую от стоимости в Соединённых Штатах. Таким образом, с их дата-центрами и развитием ИИ США пришлось бы девальвировать доллар примерно на 145%, чтобы быть конкурентоспособными по затратам на электроэнергию, ведь ИИ требует огромного потребления энергии. А в США она в шесть раз дороже. Поэтому конкурировать становится почти невозможно. Придётся как-то управлять этим парадоксом: Китай набирает силу, а Запад теряет конкурентоспособность.

Как Вы думаете, как будут развиваться отношения внутри Уммы (глобального исламского сообщества) в ближайший период? С одной стороны, есть страны вроде Саудовской Аравии и ОАЭ, которые, похоже, делают ставку на эскалацию конфликта и обсуждают возможность вступления в войну против Ирана. С другой стороны, есть страны вроде Катара, которые сейчас ведут себя более осторожно и пытаются сохранять нейтралитет. Например, некоторые заявления министра иностранных дел Катара на этой неделе звучали очень сдержанно. Иранский министр иностранных дел Аббас Агаччи признал, что для восстановления доверия в регионе потребуется немало усилий. Каково Ваше мнение по этому поводу?

Пока слишком рано говорить, как именно будут развиваться события, потому что, как я уже описывал, мы видим шиитский мир, который был сильно «электризован» происходящим — особенно убийством Верховного лидера и фетвами, которые были изданы. Это ощущается повсеместно — будь то Пакистан или Ливан.

С другой стороны, некоторые государства, независимо от того, останутся ли они на стороне США или нет, сейчас говорят на языке суннитов — не совсем про защиту, но скорее как реакция суннитов на происходящее. Сунниты должны как-то реагировать, они не могут этого допустить и не могут позволить Ирану доминировать. Возникает вопрос: ведёт ли это к сектантству? Мы знаем, как легко это может начаться. Мы видели это много раз, когда разжигаются суннитские

движения вроде ваххабитов. Вернётся ли это? Мы уже видим признаки этого в Сирии. Я наблюдал это всю свою жизнь, начиная с Афганистана. Во время присутствия России на юге Афганистана, в Кандахаре — который теперь воспринимается как крайне радикальный и жёсткий регион — всё было суфийским. На севере тоже доминировало суфийство. И, конечно, в Сирии раньше была большая религиозная разнообразность: суфизм, разные формы шиизма, различные направления суннитов — это было очень целостное общество. Сейчас всё это разрушено и превращается во что-то гораздо более узкое. Поэтому сложно дать окончательный ответ, куда это приведёт. Но в целом, я бы сказал, что это, возможно, снова затронет «ловушку Фукидида».

Иран был великой цивилизационной державой. Он остаётся великой цивилизационной силой, но уже не является великой державой в политическом или военном смысле. То, что мы сейчас наблюдаем — это процесс, и это часть плана: изменить всю парадигму в Западной Азии и восстановить персидскую мощь. Я использую термин «персидская» условно, потому что слишком сложно обсуждать все этнические группы и нюансы. Под «персидской» я не имею в виду исключительно этнический смысл, а скорее более широкий, цивилизационный контекст. Долгое время, начиная с 70-х годов, Америка противопоставляла суннитскую власть иранской и шиитской силе в целом. Особенно это стало очевидно в 2006 году после войны в Ливане. Джон Ханна писал об этом: на одной из встреч с Диком Чейни тот жаловался и выражал недовольство тем, что эта война в Ливане, как и война в Ираке, должна была ослабить Иран. На самом деле же, Иран стал сильнее, и Чейни был этим крайне недоволен.

Затем принц Бандар, который в тот момент был министром разведки Саудовской Аравии, вмешался и сказал: «Мы можем с этим что-то сделать».

И Чейни спросил: «Что именно?»

Принц Бандар ответил: «Мы можем отрезать Сирию. Именно это является жизненной линией для Ирана. И король считает, что если мы устраним Сирию из уравнения, то это почти то же самое, что свержение Тегерана».

Но Чейни сказал: «Принц Бандар, а как вы это собираетесь сделать?»

И он ответил: «Мы будем использовать [фундаменталистских] исламистов».

Тогда Чейни сказал: «Думаю, мы сами не смогли бы это сделать».

Бандар ответил: «Не переживайте. Я займусь этим. Вам не нужно вмешиваться».

И Джон Ханна там присутствовал, он писал об этом, и это было публично — всё зафиксировано. С моей точки зрения, это был момент, когда американцы пытались полностью изменить порядок в Ближнем Востоке: сунниты должны были доминировать. Да, это позже было отражено в документе «Чистый разрыв» и других материалах, но суть заключалась в том, что должна была установиться суннитская гегемония.

Эта гегемония должна была сдерживать и ослаблять Иран, превращая его в «клиентское» государство. Такой был план. И он формировался ещё в 70-х годах в Hudson Institute: Скуп Джексон продвигал стратегию ослабления и сдерживания Ирана, потому что опасались его влияния, которое раньше оставалось незамеченным в XX веке, а затем усилилось после революции. Изначально они не слишком беспокоились, но революция всё изменила. Так что то, что мы видим сейчас, возможно, является обратным поворотом этой великой парадигмы. Ситуация меняется, и поэтому мы можем наблюдать сильное противодействие со стороны суннитского мира, потому что это может означать, что на его месте вновь может возникнуть Иран как ведущая сила в Западной Азии. Возможно, это приведёт к исчезновению некоторых государств, существовавших ранее. Но это все еще находится в процессе формирования, и я думаю, что не стоит слишком забегать вперёд в обсуждениях.

ТЕГИ СТАТЬИ:

[Иран](#) [Интервью](#) [Чейни, Дик](#) [Корпус стражей исламской революции \(КСИР\)](#) [Крук, Аластер](#)